

К.В.ЧИСТОВ И РУССКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА*

Токуаки Баннай

I

Фольклористика в наши дни находится в кризисном состоянии. Несмотря на то, что Интернет способен предоставить нам безграничный объем информации на фольклорные темы, а число исследований в этой сфере воистину огромно, мы не можем быть уверены, что фольклористика и впредь будет существовать и функционировать как самостоятельная дисциплина. Дело в том, что кризис фольклористики — это не столько кризис одной области науки, сколько коренной вопрос существования самого общества и культуры, в частности, традиционного общества и его культуры как таковой. Кризис фольклористики — это вопрос о sustainability, о непрерывности существования общества, или вопрос о возможности самовоспроизводства культуры.

Л.М.Ивлева, осознававшая всю глубину этой проблемы, почти двадцать лет назад (предположительно в 1990 году) высказала в «Письме в Фонд культуры» следующее: «На протяжении десятилетий ломка традиционного уклада жизни и крестьянского мировоззрения сопровождалась насильственным вторжением в сферу народного творчества — духовной и материальной культуры народа, нарушала естественное функционирование и эволюцию системы фольклорных жанров, приводила к изменениям в динамике соотношения традиционных и сугубо профессиональных пластов культуры, к болезненной для нескольких поколений людей смене этических и эстетических ориентаций и даже к их обескультуриванию»¹.

Эти емкие и точные слова Л.М.Ивлевой можно отнести не только к положению дел в России, но и к глобализированным культурам во всем мире, и к этому её высказыванию, в сущности, нечего добавить.

Но в принципе, осознание этого кризиса — один из существенных факторов становления фольклористики как науки. Надо сказать, что у многих авторов можно встретить утверждения, что фольклористика поэтизирует «старые добрые традиции» и умиленно толкует о происхождении вещей и явлений, ныне вполне забытых. Особенно это относится к Западной Европе, где традиционная культура рассматривается с позиций романтизма и где до нынешних дней фольклористику считают наукой «ностальгической». Однако в этой связи чрезвычайно важно напомнить о соображениях Р.О.Якобсона и П.Г.Богатырева (1929)²: последние, говоря о размежевании фольклористики и

* Я многим обязан профессору Университета иностранных языков г.Кобэ Людмиле Ермаковой за редактирование.

¹ Ивлева Л.М. [Письмо в Фонд культуры] //В кн.: Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С.25.

литературоведения, подчеркивали и необходимость преодоления романтических концепций фольклора. Положения, сформулированные некогда Р.О.Якобсоном и П.Г.Богатыревым, и теперь определяют *raison d'être* фольклористики, ее общие границы и важнейшие задачи и задают ей дальнейшее направление развития.

II

В наши дни, после распада СССР, некоторым может показаться, что исследования по русской фольклористике советского периода стали уже старомодными и устарели с появлением новых работ, основанных на новых источниках, базах данных и новейших теориях. Однако невозможно двигаться вперед без точной и беспристрастной оценки и детального осмысления советской фольклористики. Поэтому задача описания ее истории становится сейчас в наших глазах весьма актуальной и насущной. Цель такой историографии для нас была бы не в том, чтобы обзирать идеологические перемены и развешивание главных модных нынче теорий, и не в том, чтобы поставить диагноз советской науке о фольклоре как устаревшей и оставшейся в далеком прошлом. Мы полагаем, что необходимо описать фольклористику как своего рода историю идей в широком смысле этого слова, как движение мысли в каждый отрезок времени, как соотношение атмосферы эпохи и общества, народа и интеллигенции, науки и *Zeitgeist*, — подобно тому, как это прежде с блеском осуществили М.К.Азадовский и А.Н.Пыпин³. Пожалуй, в наши дни работу такого рода стоит провести в еще большем масштабе, включив в поле зрения не только этнографию, лингвистику, историю и искусствоведение, но и подняться на уровень выше и рассмотреть под историческим углом зрения и структурализм, и семиотику, и даже культурологию. Говоря же о фольклористике советского периода, нельзя не сказать об особой роли К.В.Чистова.

К.В.Чистов — выдающийся ученый советского времени, внесший огромный вклад в гуманитарные науки и, в частности, в развитие фольклористики в 1950-1980 годах, когда появилось много фундаментальных и в то же время новаторских трудов по русскому фольклору. Благодаря К.В.Чистову наука о фольклоре вступила тогда в свой «плодотворный и зрелый» период. К.В.Чистов выстраивал фольклористику на протяжении более чем пяти десятилетий, постоянно задаваясь все тем же вопросом: «Что такое фольклор и каковы границы употребления этого термина?» и постоянно осознавая при этом кризисность современной науки о фольклоре.

Идея о том, что историография фольклористики — одна из наиболее важных и необходимых отраслей знания, была весьма существенна для М.К.Азадовского, его учителя, и К.В. Чистов воспринял ее от Азадовского⁴. Но сам Чистов не завершил эту работу, хотя однажды он поведал мне о своем намерении написать историографию фольклористики. Он успел подготовить лишь сравнительно краткую заметку по

² Jakobson R. (with P.Bogatyrev) К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения.// В кн.: Roman Jakobson, Selected Writings, 4. Hague, Paris. 1966.

³ Азадовский М.К. История русской фольклористики. Т.1-2. М., 1958 и 1963 ; Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т.1-4. СПб., 1890-1892.

⁴ Чистов К.В. Из воспоминаний о М.К.Азадовском. // В кн.: Воспоминания о М.К.Азадовском. Иркутск. 1996. С.63.

историографии советской этнографии⁵, и можно только сожалеть о том, что у него не хватило времени на завершение работы.

На нынешнем же этапе, при описании историографии русской фольклористики советской эпохи крайне важно определить место в ней Чистова. Для этого существуют следующие причины. Во-первых, Чистов, как один из выдающихся фольклористов, входит в ядро не только круга ученых «ленинградской школы», но и исследователей всей страны, наряду с Б.Н.Путиловым, Е.М.Мелетинским, В.Е.Гусевым и др. Благодаря научной деятельности Чистова русская фольклористика стала самостоятельной дисциплиной советской академической науки, что было совсем не просто осуществить в сложных условиях государства и общества тех лет. Во-вторых, сами работы Чистова в период до и после второй мировой войны, а также до и после перестройки, с точки зрения их масштабности и охвата материала представляются самым подходящим и надежным критерием для того, чтобы пересмотреть и переосмыслить процесс становления и развития всей фольклористики XX века, и, вместе с тем, они становятся важной вехой для понимания современной и будущей фольклористики.

Совсем недавно вышла удивительно масштабная и содержательная книга Т.Г.Ивановой «История русской фольклористики 20 века: 1900 — первая половина 1941 г.». Автор делит развитие русской фольклористики 20 века на семь этапов: 1) 1900-1916, 2) 1917-1928, 3) 1929-1941, 4) период Второй мировой войны, 5) 1945-1957, 6) 1958-1986, 7) после перестройки⁶. Если принять периодизацию Ивановой, то наиболее плодотворный научный период Чистова, видимо, соответствует пятому и шестому этапам, но нам хотелось бы особо выделить «период Чистова» и назвать его «золотым периодом» российской фольклористики советского времени.

III

Главные области исследований и достижений Чистова — три : причитания, утопические легенды и общая теория фольклора. Если же прибавить тему «культурные слои Севера (его архаика и многоаспектность)» — то можно считать, что их четыре. Не будем говорить здесь о научном значении конкретных его работ, отметим главное — что благодаря фундаментальным исследованиям Чистова сами слова «причитание», «утопические легенды» и «Север» стали понятиями, научными терминами и предметом научного дискурса не только в фольклористике, но и в других гуманитарных науках в России, предстали как своего рода «культурные мифы».

Записи «Причитаний северного края» Е.В.Барсова благодаря кропотливому труду супругов Чистовых обрели новую жизнь как критическое издание текста и были введены в научный обиход⁷. По этому тексту, снабженному детальными комментариями, можно представить себе не только личность и уровень мастерства народных поэтесс —

⁵ Чистов К.В. Из истории советской этнографии 30-х — 80-х годов XXв. //Советская этнография, 1983 № 3 и 1984 № 2.

⁶ Иванова Т.Г. История русской фольклористики 20 века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009.

⁷ Причитания северного края, собранные Е.В.Барсовым. Издание подготовили Б.Е.Чистова, К.В.Чистов. Т.1-2. СПб., 1997.

исполнительниц причитаний, но и психологию, и ментальность дореволюционного русского крестьянства, и, к тому же, быт и повседневность русской северной деревни, а также архаические слои многоаспектной культуры Севера. Как известно, вышли две монографии Чистова 1955 и 1988 годов, повествующие о фигуре И.А.Федосовой и особенностях северной деревенской культуры, где жили лучшие сказительницы, но вторая книга не просто дополняла и уточняла первую. Во временном промежутке между двумя книгами происходит важная эволюция в научном методе исследователя, углубление интереса к тексту и вместе с тем, как всегда у Чистова, сохраняется неизменное внимание к контекстам — историко-культурным и социальным аспектам фольклорных произведений⁸.

Фольклорный материал, который Чистов выбрал для своей монографии 1967 года — это слухи и толки (по классификации немецкого исследователя C.W. Sydow) или исторически ничем не обоснованные устные предания, которые социально-экономическая история и история общественной мысли, зависящие от идеологических веяний, ранее игнорировали почти полностью и которые фольклористика в то время еще не считала жанром фольклора. Эту «дочернюю», несказочную прозу Чистов открыл как «новый фольклорный текст». Новизна присутствовала не только в отношении материала, но и метода описания и выводов монографии. Исследуя пути распространения и историю легенд о «далеких землях» и о «избавителях», Чистов описал историко-социально-психологические и культурологические особенности дореволюционного крестьянства. Его монография — эксперимент по историко-структуралистскому познанию мироощущения русского народа, описанием которого почти не интересовались тогдашние советские историки, фольклористы, психологи, социологи и т.д., поэтому его книга положила начало новому, своеобразному направлению в гуманитарных науках СССР. Добавим также, что тогда в Западной Европе, Америке и в Японии тоже зарождались новые движения по исследованию так называемой социоистории, и появилось много экспериментальных работ (например, исследования N.Z.Davis по повседневной истории французских горожан и крестьян, работы E.P.Thompson по «живому голосу», быту и общественному сознанию английского народа, работы итальянского историка C.Ginzburg по микроистории народной культуры Италии, работы японского историка-германиста Абэ Кинъя по средневековому мировоззрению на материалах сказок, легенд, исторических фактов и многое другое)

С точки зрения принятых тогда в фольклористике понятий, утопические легенды не представляли собой отдельного жанра, не входили в круг фольклорных текстов и виделись большинству как отклонение от классического жанра. Что касается причитаний, то фольклористам в общем и целом было известно об И.А.Федосовой, о текстах в записи Е.В.Барсова и о существовании традиции «плакать во время свадьбы, похорон». Но все-таки, по сравнению со сказкой, былиной, народной песней и т.п., причитание до тех пор не рассматривалось как полноценный отдельный жанр. Обе эти разновидности устных текстов, утопические легенды и причитания, считались если и жанром, то малым, второстепенным, неклассическим, нетрадиционным. Но именно «периферийность» этих

⁸ Чистов К.В. Народная поэтесса И.А.Федосова. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск, 1955 ; его же Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988. См. рецензию последней монографии Банная Т. // Филологическая культура. Т.27 (на яп.яз.).

текстов позволила Чистову осуществить новаторский их анализ и выработать новую точку зрения на фольклорное произведение в современной ситуации. Для этого Чистов должен был переструктурировать общую теорию фольклористики, и с этой целью он предпринял изыскания по общей теории фольклора, по истории и этнографии. В поисках междисциплинарных комплексных методологий и подходов ученый решительно и смело вступал в дискуссии с фольклористами и этнографами, с литературоведами и историками, с психологами и искусствоведами.

IV

Что же было основной движущей силой для К.В. Чистова, оказавшегося способным совершать эту непрестанную работу, плоды которой были оригинальны, даже радикальны, и при этом все, что он делал, выполнялось им со всей возможной тщательностью? Мы расскажем о четырех его мотивах, — так, как нам это представляется.

Во-первых, в 1930 годах он слушал «живое исполнение» крупнейших народных мастеров фольклорной традиции, таких, как М.М.Коргуева, П.И.Рябинина-Андреева, Ф.А.Конашкова⁹. Все эти люди были, может быть, «последними исполнителями» уходящего периода так называемого «классического» существования фольклора. Чистов — один из счастливых свидетелей тех времен.

Во-вторых, Чистов писал свои работы, находясь в поле сильного влияния его блестящих учителей. Не только яркое созвездие Филфака ЛГУ (В.М.Жирмунский, Б.М.Эйхенбаум, Б.В.Томашевский, Г.А.Гуковский и т.п.), но и научные сотрудники Института русской литературы АН СССР (Н.П.Андреев, Г.С.Виноградов, А.М.Астахова, А.И.Никифоров и т.д.), и, конечно, самые близкие к Чистову по специальности его руководители — М.К.Азадовский и В.Я. Пропп — все эти выдающиеся ученые были носителями мощной филологической традиции Петербурга-Ленинграда, и их значение для научной деятельности К.В.Чистова неизмеримо велико. Невозможно переоценить, например, роль Азадовского в становлении Чистова как фольклориста — об этом сам Чистов не раз писал в своих заметках, воспоминаниях и статьях¹⁰.

Хочется здесь упомянуть об особенностях «русской школы» фольклористики в связи с особым ее вниманием к роли и значению фигуры «сказителя». Чистов, будучи несомненным представителем «русской школы», описал не только биографию и психологию И.А.Федосовой, особенности ее личности и мастерства, но и резко осудил тогдашнюю фольклористику, которая почти не обращала внимания на личность сказителя-исполнителя фольклора. В 1970-х гг. постановка вопроса о значении «сказителя» в духе «русской школы» в конце концов была принята и полностью утвердилась в мировой фольклористике (см., например, работы L.Degh и др.), начав

⁹ Бернштам Т.А. Мастер и традиция (к юбилею К.В.Чистова). // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып.10-11. СПб., 2004. С.169.

¹⁰ Чистов К.В. М.К.Азадовский и проблема исполнителя в русской фольклористике 19-20 вв. //Советская этнография, 1989, № 2 ; его же М.К.Азадовский и фольклористика (к 100-летию со дня рождения). Известия сибирского отделения АН СССР. 1988. № 16, вып.3 ; его же Из воспоминаний о М.К.Азадовском. // В кн.: Воспоминания о М.К.Азадовском. Иркутск. 1996.

развиваться в рамках теории нарратива. А в СССР в то время отнюдь не случайно появлялись работы А.Я.Гуревича, М.И.Стеблин-Каменского и др., посвященные значениям и функциям личности в традиционном обществе.

Во-третьих, важным фактором стало «этнографическое направление в фольклористике» (называемое иначе как «этнографизация фольклористики» или «филологизация этнографии»), благодаря которому начался «золотой век русской фольклористики», захвативший вторую половину 19 века и начало 20 века. Такая ориентация и поныне является основой гуманитарных наук в России, хотя об этих достижениях мало известно вне России. Эту научную традицию Чистов не только усвоил и унаследовал, но и развил — как в своих монографиях о причитаниях и утопических легендах, так и во многих теоретических трудах по фольклористике и этнографии. Общеизвестно, что «Russische (Ostslavische) Volkskunde» Д.К.Зеленина, хотя эта работа была завершена в 1920-х годах, и сейчас имеет научное значение как самый надежный и достоверный аналитический обзор по российской фольклористике, отразивший тесную взаимосвязь этнографии и науки о фольклоре. Книга Зеленина в русском переводе, которая вышла в свет под научной редакцией К.В.Чистова¹¹, стала настольной книгой не только для каждого этнографа, но и для фольклориста, историка, литературоведа, да и вообще русиста любой специализации.

В-четвертых, как сумма трех вышеназванных мотивов, побудительной силой для Чистова был расцвет и бурное развитие в России 1960-х гг. гуманитарной науки в целом. Нам хотелось бы назвать этот бурный расцвет феноменом обвала, тектонического сдвига, феноменом землетрясения, или, по Лотмановскому термину «взрывом». Что такое русская народная культура, и вообще, что такое русская ментальность, что такое русский текст, или, иначе говоря, как понимать, каков субстрат русской культуры? Чтобы ответить на эти простые и вместе с тем коренные вопросы, лингвистика и литературоведение, археология и история, социопсихология и искусствоведение, отчасти религиоведение, и, конечно, фольклористика и этнография советского времени то горячо и остро спорили, то мирно сотрудничали, но в конце концов добились значительных результатов. В области методологии гуманитарных наук переоценивались и классические теории каждой дисциплины, и теории формализма, и теории структурализма; создавались «новые» теории семиотики, этнолингвистики, коммуникации и т.п. В то время, в русле новых мощных интеллектуальных течений 1960-х гг., важными предметами исследований вновь стали миф, язычество, обряд и обрядовый фольклор, праздник и карнавал, городской фольклор и народный театр, или более абстрактные понятия, например, «трудовая традиция» и «народная эстетика», которые в большинстве случаев выпали из поля зрения фольклористов и историков русского народа, понимаемого как крестьянство. Чистов находился в самой гуще этой динамично развивающейся ситуации в науке, более того, он сыграл в ней существенную и решающую роль как организатор.

Очень важно то, что сам Чистов называл себя «шестидесятником». В «Общем введении» к дополненному изданию книги 1967 года (2003 г.) он прямо говорит о побудительных мотивах к написанию монографии о русских утопиях. Его интуиция этнографа и историка, основанная на научном знании, давала ему основания думать, что

¹¹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. Пер.с нем.К.Д.Цивиной. Примеч. Т.А.Бернштам, Т.В.Станюкович и К.В.Чистова. Послесл. К.В.Чистова. М.,1991.

в 1960-годах разрушилась утопия 19 века, воплощенная в идеях, учениях и социальных движениях, которая была образцом не только для СССР, но и для многих стран мира. Осознав этот кризис, он и задумал писать монографию, чтобы наново переосмыслить в ней сложившуюся картину мира и пройденными нами путь в свете опыта 20 века. Чистов писал: «Опыт 20 века заставил опасаться не столько того, что утопические идеи могут оказаться нереализованными, сколько того, что они могут в конце концов реализоваться»¹².

Проводя свое глубокое академическое исследование, Чистов словно постоянно пристально всматривается в эту мечту-утопию человечества, оценивая ее в свете сегодняшнего дня.

V

Теперь скажем кратко о научных значениях работ Чистова.

Во-первых, для них характерен безусловный позитивизм, на его основе, строго выверенный филологизм, которые проявлялись во всех его работах до конца жизни. Прочные основы тех «культурных мифов», которые были созданы работами Чистова и о которых мы уже говорили выше, были заложены и утверждены текстологическими трудами автора или авторов (Чистовых), и уровень этих трудов можно назвать редкостно высоким.

Текстология или аналитическая рецепция текста, включая и перетекстовку, всегда осуществлялись Чистовым именно на таком высоком уровне, что бы он ни делал — начиная от причитаний и комментариев к ним и до фольклора так называемых *ostarbeiter* — советских военнопленных в Германии¹³. В рецензии на книгу «Утопические легенды» В.Я.Пропп¹⁴, хоть и критиковал употребление термина «легенды», при этом очень высоко оценил новаторство этой книги и в отношении аналитического изучения материалов, и в отношении ее выводов. Удивительно, что в этой краткой рецензии В.Я.Пропп 5 раз употребил слово «максимально» (максимально аналитическое, детализованное/максимально подробно/максимально скрупулезного/максимально полную, ...чрезвычайно колоритную/максимально подробно и пристально). Этот факт свидетельствует о высочайшем качестве исследовательского подхода К.В.Чистова к тексту.

Вместе с тем, филологизм Чистова не ограничивается словесным аспектом, фольклорный текст в его понимании мог иметь не только вербальную природу, хоть он и не принял более общего, расширенного семиотического понимания текста. Филологизм Чистова всегда был обращен к так называемому вне-тексту, например, быту, реальности, действительности или идеям. Фольклористика Чистова была всегда комплексной и междисциплинарной в подлинном смысле слова, не отгораживалась от смежных дисциплин, всегда сохраняла свойства открытости.

Второе важное достоинство трудов К.В.Чистова — это «густое или насыщенное

¹² Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С.19.

¹³ Преодоление рабства. Фольклор и язык оstarбайтеров. 1942-1944. Составили Б.Е.Чистова, К.В.Чистов. М., 1998.

¹⁴ Советская этнография, 1969, № 2.С.141-143.

описание» (по выражению замечательного американского этнографа Clifford Geerts), которому свойственен не только строго научный подход, пристальное и цепкое внимание исследователя, но и бодрая, энергичная и живая манера повествования, словно автор говорит от имени фольклорного сказителя. В.Я.Пропп в упомянутой выше рецензии, прибегнув к своей излюбленной метафоре «скелет-плоть», написал следующее: «Схема представляет собой как бы скелет, но изучается собственно не он, а живая плоть повествования, которая его облекает и которая составляет основной предмет исследования»¹⁵. Именно эта «живая плоть повествования» и была представлена в работах Чистова.

В этой связи нам сразу вспоминается заметка Ю.М.Лотмана, хоть и незавершенная, но содержательная и очень интересная, которая увидела свет уже после смерти автора. Это «Азадовский и Пропп — два подхода», эссе, помещенное в «Двойном портрете»¹⁶, где Лотман рассказывал о своих учителях Филфака ЛГУ 1950-х годов (кстати, это не мемуары, ведь Лотман категорически отказывался писать воспоминания). В этой заметке, сравнивая двоих своих руководителей по русскому фольклору, Ю.М.Лотман указал существенную разницу в методологии этих превосходных фольклористов. Это разница подхода к предмету изучения. С точки зрения Лотмана, будущим филологам в то время более всего импонировал Пропп и предлагаемый им подход «от модели к тексту», оригинальные идеи Проппа «представлялись тем долгожданным новым словом, которое призвано совершить переворот в филологических науках». А вот метод Азадовского — «от текста к модели» — «казался эмпирическим и недостаточно концептуальным» и меньше интересовал молодых фольклористов. Задумаемся: как же в этом свете следует понимать подход самого Чистова: «текст — структура» или «структура — текст»? Однако, похоже, что нам необязательно выбирать одну из альтернатив, сам Лотман в конце заметки писал, что «следовало бы сказать «минимально два подхода», и, разумеется, он не мог не вставить человека в качестве третьего элемента между структурой и текстом. Далее Лотман писал: «Сочетание роста и уменьшения вариативности, как правило, образует в живой динамической структуре пульсирующее пространство, на фоне которого высвечиваются тенденции развития и старения».

«Пульсирующее пространство», которое образуется «в живой динамической структуре» — это «живая плоть повествования» Чистова, и, если можно так выразиться, Чистов двигался от текста к модели, а потом вновь возвращался от модели к тексту, совершая тем самым поступательно-возвратные движения.

В-третьих, Чистов постоянно критиковал «закрытую статическую» фольклористику, подвергая пересмотру самые основы складывания ее существования. Его целью было сформировать фольклористику не как косную академическую дисциплину, а таким образом, чтобы эта подлинная фольклористика всегда была готова ответить на самый основной и безыскусный вопрос: «что такое фольклор?» Чтобы самому найти ответ на этот фундаментальный вопрос, он не раз отказывался следовать привычным методам работы фольклориста «в поле», корректируя уже существующие теории и подходы; с огромным интересом и ожиданиями он обращался к структурализму, семиотике, культур-антропологии. В начале этой статьи мы упомянули о кризисе фольклористики и

¹⁵ Советская этнография, 1969, № 2.С.142.

¹⁶ Лотман Ю.М. Двойной портрет. // В кн.: Лотмановский сборник, 1. М., 1995.

фольклора. Пожалуй, пока трудно однозначно сказать — идет ли ситуация после Чистова к углублению кризиса, или, наоборот, мы имеем дело с развитием разнообразия и многоаспектности. Но наследство, которое мы получили в виде печатных трудов и результатов обширной деятельности Чистова, велико и значимо как раз еще и тем, что это труды ученого — решительного противника, так сказать, «обескультуривания» фольклора и «обесчеловечивания» фольклористики.

Очень точно сказала о нем сказала его верная и талантливая ученица Т.А.Бернштам: «Он мастер — одна из ключевых фигур в российской гуманитарной традиции»¹⁷.

NIHOTSUBASHI UNIVERSITY

¹⁷ Бернштам Т.А. Мастер и традиция (к юбилею К.В.Чистова). // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып.10-11. СПб., 2004. С.167.